

МЕТАМОРФОЗЫ РУССКОГО САЛОНА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Столичные салоны долгие годы столетия являлись признанными законодателями мод в литературе и искусстве, а также служили индикатором общественных настроений в России. Истории салонов посвящена обширная литература.¹ Надо заметить, что наибольший интерес исследователей, касавшихся сюжетов салонной жизни начала XX столетия, вызывали литературные салоны Серебряного века; аристократические гостинные и политические салоны исследованы хуже.

Охватить весь спектр салонов, существовавших в Москве и Петербурге накануне первой мировой войны, в одной статье невозможно. За рамками данного исследования останутся как старомодные аристократические гостинные, так и салоны, собиравшие весь цвет русской литературы. Речь пойдет лишь об одной тенденции, характеризующей начало XX столетия, - о демократизации салонной культуры, привнесении в нее мещанских ценностей, изменении самого понятия «салон» в языке предвоенной эпохи. Особое внимание будет обращено на перемены, коснувшиеся важнейшего источника по истории салонной жизни - альбома.

Российские салоны возникли и обрели популярность в аристократической среде. Вопреки распространенным представлениям, салоны служили не только местом проведения досуга. Гости зачастую преследовали вполне прагматичные цели: стремились познакомиться с нужными людьми, снискать литературную известность, найти покровителя и получить должность. Возможности неформальных связей, выраставших из салонного общения, манили многих предприимчивых людей из разных общественных слоев, однако сословные барьеры препятствовали проникновению простолюдинов в высшее общество. По существу, перспектива стать видным чиновником или знаменитым литератором открывалась лишь для «своих», для представителей сравнительно узкого круга «хороших семей».

Первым признаком перемен стало появление в аристократических салонах поэтов и писателей недворянского происхождения. В эпоху расцвета русского салона к таким гостям относились с предубеждением, держали их отдельно от других, а порой и насмехались над ними. В.Ф. Одоевский приветчал у себя одаренных литераторов, которые, однако, жались в отдельной комнате, не решаясь вступить в избранное общество. По свидетельству И.И.

* © Леонов М.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры Гуманитарно-правовых дисциплин и сервисных технологий Самарской академии государственного и муниципального управления, 2014 г.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-11-63007.

Панаева, «литераторы были битком набиты в тесном кабинете хозяина, ... боясь заглянуть в салон. Целая бездна разделяла этот салон от кабинета. Но для того, чтобы достичь волшебного кабинета, бедным литераторам надобно было проходить через роковой салон – и это было для них истинною пыткой. Неловко кланяясь хозяйке дома, они, как-то скорчившись, съезжившись и притаив дыхание, торопились достичь кабинета, преследуемые лорнетками и разными, не совсем приятными для их самолюбия взглядами и улыбочками».²

Со временем незнатные гости стали смелее. В пореформенную эпоху они уже свободно чувствовали себя в привилегированных гостиных, на равных общаясь с их обитателями. В моду вошли «сведущие люди», представители интеллигенции, обладавшие широким кругозором и способные оживить беседу. С ними уже считались, хотя по-прежнему посмеивались над их манерами. Вот эпизод из светского романа: «... один из сведущих гостей был настолько несведущ в коммифотности, что тыкал вилок в блюдо с селедкой и, вытыкнув кусочек оной, стремительно внес его в рот, к великому ужасу хозяйки, поднявшей глаза к небу».³

В начале XX столетия буржуазная культура наступала по всем фронтам; известность и успех потеснили в правах происхождение. Мода на салоны распространилась в среде купцов, разночинцев и творческой интеллигенции. Пестрым составом гостей могли выделяться московские салоны С.П. Кувшинниковой, В.А. Морозовой, А.Г. и Д.Н. Петровских.

По мере того, как стирались социальные границы, менялась и культура салонного общения. В ряде случаев мы можем говорить о разрушении традиционных ценностей и устоев салонной культуры. Характерным примером могут послужить «салоны» Е.О. Марцинкевича и Е.Е. Синегуб.

В российском государственном архиве литературы и искусства хранится примечательная зарисовка М.К.Соколовского «Литературно-артистический салон д-ра Е.О.Марцинкевича (Материалы для истории быта русских литераторов, художников и артистов)». В ней содержатся подробные сведения о встречах в одном из новых салонов Петербурга. Хозяин, Е.О.Марцинкевич, прослыл ценителем искусства. Он привечал и щедро угощал гостей. По словам Соколовского, «особенно многолюдны бывали собрания на второй день Пасхи. Везде стояли столы, уставленные всякими окороками, куличами, пасхами. Огромные окорока стояли на каждом углу стола, наготовлено бывало так много, что после разъезда гостей молодые хозяйки раздумывали, кому бы можно было предложить оставшийся шпик: дворники, швейцары, прислуга ничего не хотели брать, будучи завалены снедью до отказа».⁴ В салоне Марцинкевича собиралась пестрая публика, а аристократические претензии смешивались с мещанским бытом. Будучи по природе вспыльчивым человеком, хозяин дома «в сердцах бил ложками по лбу своих дочерей, а жену – ключом, зажатым в кулак».⁵ По-видимому, эти эксцессы случались и в присутствии посторонних, прямо за обеденным столом (ведь дочерей он бил ложками). М.К.Соколовский писал об этих вспышках гнева с сожалением, кивая на польские корни Марцинкевича. Гости сало-

на снисходительно относились к подобным инцидентам: сцены семейного насилия не мешали им посещать дом с хорошим столом и увеселениями. Все это явно свидетельствует о девальвации салонной культуры: за столет до салона Марцинкевича, в «золотой век» русского салона пушкинской эпохи, умение достойно держаться на публике во многом определяло репутацию человека. Даже в случае вызова на дуэль дворянину предписывалась сдержанность и самообладание. Любые душевные драмы надлежало скрывать, дабы омрачить общего веселья.

Карикатурой на классический салон являлись и собрания у небогатой помещицы Елизаветы Евгеньевны Синегуб. В ее небольшом салоне, существовавшем в Москве в эпоху Серебряного века, собирались молодые литераторы, в их числе - В.В.Маяковский. Вполне возможно, что Е.Е. Синегуб желала видеть себя в роли прекрасной дамы, объекта восхищения талантливых гостей. Если так, ее постигло разочарование: гости посмеивались над ней, называли ее гостиную «салонем Плюшкиной», что объяснялось скупостью хозяйки. Один из посетителей, известный поэт и теоретик имажинизма В.Г. Шершеневич, вспоминал: «Однажды я получил записку, в которой сообщалось, что Синегуб просит пожаловать к ней на «обед с фазанами». В назначенный час в зале собирается человек пятнадцать приглашенных писателей. Тут же решаются очередные дела, тут же идут горячие споры. Хозяйка судорожно носится из столовой в гостиную и обратно, попутно... многообещающим шепотом декларируя знаменитый «обед с фазанами». Наконец, мы в столовой. Но почетном месте – сама хозяйка. Быстро и не обращая внимания на закуски, господа писатели расправляются с водкой и супом. Все ждут фазанов, это гвоздь обеда. И вот блюдо с фазаном торжественно вносится. Крышка снимается, и нашим взорам представляется одинокий фазанчик, умерший, конечно, от длительной голодовки или сознательного истощения. С большим трудом, оперируя невидимыми глазами кусочками, хозяйка оделяет гостей фазаниной... Через полчаса мы все, пятнадцать человек, сидели в «Праге» и рассматривали съеденного фазана как легкую закуску. Синегубину мы тоже приглашали с собой. Мы были молоды и не мстительны».⁶

Конечно, репутация хозяев зависела не только от их щедрости и гостеприимства. Язвительные высказывания о салоне и его обитателях, как и любые сплетни, могли быть вызваны к жизни самыми ничтожными мелочами. Грешили этим и аристократические круги. По выражению современника, «обычай осмеивать членов семейства и вообще дом, из которого выходишь гостем, до такой степени в нравах большого света, что составляет как будто потребность общежития».⁷ Принципиальное различие, однако, состояло в том, что посетители салона Синегуб время от времени делали неллицеприятные высказывания во всеулышание, в то время как аристократы шептались за спиной.

Культурные различия часто провоцировали насмешки. На рубеже веков, когда в обеих столицах появились купеческие салоны, претендовавшие на статус элитарных, представители дворянства не упускали случая для иронии. Излюбленной мишенью стал салон З.Г.Морозовой (супруги Саввы

Морозова). Морозовы владели экзотическим, помпезно обставленным особняком, где с большим размахом давали вечера и балы. Сюда приглашался бомонд: знаменитые музыканты и художники, титулованное дворянство. Известно высказывание А.П.Чехова по поводу этих собраний: «Зачем, зачем Морозов Савва пускает к себе аристократов? Ведь они наедятся, а потом, выйдя от него, хохочут над ним».

Приведенные примеры подводят к заключению, что хозяева салонов, приглашавшие гостей и предлагавшие им, по мере своих возможностей, щедрое или скудное угощение, временами сталкивались с неблагодарностью. Придирчивость посетителей имела свое объяснение. Держать салон, кормить гостей, делать им различные одолжения – значило повышать собственный престиж. Ведь, принимая на себя многочисленные обязанности, хозяин, в то же время, занимал центральное положение в локальной сети, претендовал на статус наиболее влиятельного и авторитетного из ее членов. Такое положение дел объясняет склонность состоятельных людей, в частности, купцов, к созданию салонов: привлекая к себе элиту, они, помимо прочего, пытались конвертировать деньги в улучшение репутации и повышение социального статуса. В том случае, если хозяева оказывались в состоянии удовлетворить ожидания гостей, они могли сполна насладиться обретенными преимуществами, однако, если в силу собственной скупости или недостатка образования они производили неблагоприятное впечатление, то рисковали стать объектом колкостей.

Перемены начала XX века наглядно отразились и в одном из наиболее значимых памятников салонной жизни – альбоме. Альбомы обрели значительную популярность в самых разных социальных группах, можно сказать – пошли в тираж. Как следствие, они все больше различались по внешнему виду. Одни из них продолжали ориентироваться на традиции прежних лет, другие утратили аристократический лоск. Например, альбом Э.К. Павловской выглядел незатейливо: плюшевый переплет, роза на форзаце.⁸ Еще более отчетливо вкусы владельцев отразились в альбоме актрис В.В. Бороздиной и В.П. Музиль-Бороздиной. На нескольких листах наклеены вырезанные из открыток картинки с изображением цветов. В качестве альбомов все чаще использовались блокноты дешевого издания в дерматиновом переплете. Французский язык почти полностью был вытеснен русским.

Широкое распространение получили альбомы, представляющие собой собрание переписанных стихов или коллекцию рисунков, выполненных одним лицом. Они в значительной степени схожи, но порой между ними попадаются любопытные экземпляры. К числу последних относятся альбомы В.Н. Андреева-Бурлака с работами художника, или альбомы М.Н. Ермоловой, включающие стихи, которые актриса читала на концертах, в том числе несколько литературных пародий собственного сочинения.⁹

Верным признаком перелома стало появление в альбомах записей политического характера. Автографы такого рода были особенно характерны для эпохи первой русской революции. Так, альбомы Е.Н. Токаревой содержат немало радикальных высказываний: «Сцена – это та же революция; и та, и другая порождает таланты»; «Доживу ли до того дня, когда со сцены

завучит свободное слово, свободная речь»; «Царствуй на страх врагам, царь православный! (на том свете)».¹⁰

Менялись и этические нормы. Если в первой половине XIX века светский этикет допускал записи, отражавшие платоническую любовь к хозяйке гостиной, то во второй половине столетия уже не представляли редкости фривольные стихи, апеллирующие не к душе, а к телу. Запись такого рода есть и в альбоме Бороздиных: «Чтобы в губки голубку и в ясный глазок// Целовать, целовать мог бы жадно я// Зацелую тебя с головы и до ног// Полюби ты меня - ненаглядная».¹¹ Свидетельством процесса разрушения прежних табу могут служить публикации афоризмов и стихов для альбомов, предпринимавшиеся различными изданиями (в частности, «Вестником Европы») с начала XIX века. После первой русской революции в столице стали выходить «Пикантные салонные сборники», содержавшие вульгарные стихи, и даже фотографии декольтированных дам со страстными взглядами.¹² Это можно трактовать как вызов системе традиционного мировоззрения, наступление на ценности патриархального общества.

В России накануне первой мировой войны выходцы из разных слоев адаптировали форму салонного общения, наполняя ее собственной культурой, зачастую довольно приземленной. Процесс инфильтрации дворянского общества представителями низших сословий, завершившийся появлением «народных» гостиных, может рассматриваться как свидетельство менявшихся представлений о престиже и назначении салонов. Некоторые из этих гостиных нашли свою нишу в столичном мире и пережили войну 1914-1918 гг.

Примечания

¹ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007.

² Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1950.

³ Мещерский В.П. Князь Нони. Сутки нынешнего светского человека. СПб., 1882. С. 108-109

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.442. Оп.1. Ед.Хр.9. Л.8.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Шершеневич, В. Великолепный очевидец. Синегуб и ее «салон»// Московский Парнас: кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890-1922). М., 2006. С. 486-487

⁷ Мещерский В.П. Хочу быть русскою. Роман из большого петербургского света. Спб, 1877. Ч.2. С. 220

⁸ Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф.201. Оп.1. Ед.Хр.46.

⁹ ГЦТМ. Ф.98. Оп.1. Ед.Хр.518, 1141. Альбомы М.Н. Ермоловой, 1895-1917 гг.; ГЦТМ. Ф.11. Оп.1. Ед.Хр.1, 2.

¹⁰ ГЦТМ. Ф.536. Оп.1. Ед.Хр.11-14. Альбомы Е.Н. Токаревой.

¹¹ ГЦТМ. Ф.180. Оп.1. Ед.Хр.574. Л.3. Альбом В.В. Бороздиной и В.П. Музиль-Бороздиной.

¹² Салон. Как и где веселится Петербург. Пикантный салонный сборник избранных мелодичных модных арий из оперетт, а также стихотворений, шуток и острот. СПб., 1908.